
18+
ТАТЬЯНА ВОЙНИЧ
МЕРЦАНИЕ
#ЧТОБЫ ЗНАЛА ТЫ, Я ЕСТЬ

Татьяна Войнич

Мерцание. #чтобы знала ты, я есть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42308759
ISBN 9785449662651

Аннотация

На примере отношений между мужчинами и женщинами автор описывает жизнь нескольких разных «я» внутри одного человека. Все происходит на фоне событий 90-х – 2000-х годов в России.

Содержание

Глава 1 5
Sансара 5
Глава 2 13
Бокал 13
Глава 3 16
Юля 16
Глава 4 23
Роман 23
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Мерцание
#чтобы знала ты, я есть

Татьяна Войнич

Когда пойдешь в дорогу, учти,
что всё там – будешь ты.

Все написанное здесь является художественным вымыслом.

Любые совпадения имен, событий и названий – являются случайными.

© Татьяна Войнич, 2019

ISBN 978-5-4496-6265-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Сансара

Я есть.

Я подпадаю под определение «хикки». Сижу в пещере, зачем? Мне темно и душно в ней, но кажется, что так безопасней. От чего «безопасней»?! Эй, чего я боюсь? – нет ответа. С каждым днем, в пещере все тяжелее дышать, воздух на исходе. Иногда, мне кажется, что пещера живая. Это странно звучит, даже для меня. А вдруг -это уже шизо? Ха-ха-ха.

Нет, странный здесь – я, потому что могу стать шизо из-за пещеры, но продолжаю упорно в ней сидеть, думая, что так будет безопасней. Чего я боюсь? …. Как в каком-то фильме: «чего-то не хватает, чего-то не хватает».

Так вот: пещера живая, она меняет размеры вокруг меня – постепенно сужается и темный, в ледяных грязных сталактитах потолок, давит на плечи. Когда я начинаю задыхаться, то чувствую, что стены и потолок разъезжаются в темноте, разворачиваются, как будто пещера вдыхает воздух, и я вместе с ней. Тогда, я могу поднять голову, и немного видеть свои белеющие руки и рубашку… кажется на мне светлая рубашка. Сидеть в своей пещере я могу только на пятой точке, подтянув колени к лицу, и сложив вокруг них руки. Менять по-

зу я не хочу, да и не могу. А выбираться из этого поганого места? Зачем. Я не знаю, есть ли место безопасней и лучше.

……

Сначала, пришел волк. Правда, он называл себя высоким прозвищем «Волхв». Он предложил сыграть, и мне удалось у него выиграть. Моим выигрышем – стала способность видеть в темноте, ее мне и подарил Волхв. Он сказал мне: «теперь, ты можешь видеть темноту глубин человеческих душ и самые их заветные желания».

У каждого есть свое заветное желание. Это – когда точно знаешь, чего хочешь, и, не колеблясь, сделаешь выбор в пользу желаемого.

Оказалось, что и у меня тоже есть такое желание, оно – твердое как алмаз, горит и искрит холодным голубым огнем. Оно могло стать моей целью, ради которой я бы покинул пещеру.

Я шел и шел на свет «алмаза», пытаясь дотянуться и потрогать, рассмотреть его поближе, я старался сократить расстояние, но дорога, с каждым моим шагом вперед – растягивалась ровно на шаг назад.

Я решил свернуть в «Бар». В лесу, притулившись к склону горы, «Бар» выглядел заброшенным. Вокруг ночь, метель. Темноту разбавлял желтоватый свет из окошка. Я зашел внутрь.

Помнится, потом, я там много пил и ругался матом на до-

рогу, которая замучила меня своим «растягиванием».

Вдоволь «насладившись» «Баром», я понял – все равно придется идти дальше, и опять пошел по единственной знакомой дороге, тем более, что никакой другой вокруг не было.

Взошла луна. Я остановился попить у лужи – озерца в камнях. Со спины меня окликнул знакомый голос Волхва.

– Почему ты не стремишься взять свою Силу? Тот «алмаз», что ты видел в себе – большая Сила.

– В смысле?! Я тут иду за ней не понятно где, уже черт знает сколько времени…

– Ааа-ха-ха! Идешь! Вот именно, «непонятно где» и «черт знает сколько», а не ты. Для того, чтобы идти – нужно выбрать поверхность, по которой идти.

– А эта дорога не туда?

– Это просто лес и тропы, а тебе нужен Путь. Выбирай его.

– Как?

– Для начала, найди вход. Вход – это ты сам. Как войдешь – увидишь двери, зайди в одну дверь – и перед тобой один Путь, зайди в другую – другой Путь. По любому из этих Путей – будешь идти, как канатоходец по струне под куполом, как по лезвию бритвы. Для кого-то – это риск и удовольствие, а для кого-то – тяжелое и пугающее занятие. Пойдешь по границе ночи и дня – так ты увидишь ночь и день одновременно, и всё сразу поймешь.

……

«Вход – это ты сам».

Вход – это я.

Как-то все не просто.

Вход – это не просто.

Кто я, где я, зачем я?

Хм, я – это много чего: например, я в детстве; или сомнительные дела юности; расцвет достижений и высот в зрелые годы; многочисленные разочарования и потери. Да, были потери.

Я вдруг заметил, что стало светать. Свет какой-то голубовато – сиреневый. Огляделся – леса не было, и вообще, я оказался в другом месте. Меня окружали бескрайняя даль заснеженных горных вершин, и небесная высь.

Я стоял в кратере потухшего сердца, на небольшой равнине, среди гор, похожих на Гиндукуш. Над головой все сразу – звезды, планеты, солнца, луны, Млечный Путь. Ничего себе, обширность, прямо «инкверебэл». Я просто… я просто не мог налюбоваться (серьезно, без сарказма).

Я заметил ветер, будто рука художника, его потоки мягко чертили в воздухе спирали и витиеватые линии – синие, красные, бирюзовые и желтые. Я и не думал, что ветер может быть разноцветным.

Я здесь был не один. От каждого моего движения, вокруг шел тонкий хрустальный звон. Я стал частью окружающего меня мира, одной из его нитей.

Еще, рядом было нечто, совершенно не подвижное, не прозрачное и безмолвное. Посреди равнины стоял мега-

лит, я легко преодолел расстояние до него. Вблизи, мегалит оказался обычной бочкой, только большой – выше меня, окованной ржавыми железными кольцами, и заколоченной толстой, трухлявой деревянной крышкой. Я постучал по ее стенке, звук провалился как сквозь вату. Если там моя Сила, то как ее достать? Никаких инструментов с собой у меня нет. Я сел, прислонившись спиной к бочке.

Почему-то я был уверен – это и есть вход. Там мой Путь к Силе. Так как, я теперь мог видеть то, что скрыто – изнутри, я попытался настроиться и заглянуть в бочку. Меня затянуло туда, как в черную воронку смерча. Я этого не хотел. Я не хотел покидать этот просторный спокойный мир, где все есть одновременно.

Но у меня не хватило своих сил сопротивляться бочке. Может, если бы у меня была Сила, обещанная Волхвом – я бы смог, а так… бочка всосала меня, как рот всасывает длинную спагетти.

Я внутри, иду по пустырю. Становится все холодней, опять потемнело. Воздух вокруг, как бы костенел, твердел, земля трескалась. По небу понеслись странные «тучи». Будто скрюченные птичьи лапы, или крючки, скрепленные по трое, они кортежем сопровождали воронку смерча. Это с другой стороны неба кто-то ловил на удочку тех, кто как я шли по земле. Кто-то косил их. Я как мог, старался идти быстрее, чтобы укрыться в торговых ларьках, видневшихся уже совсем близко. Но на деле, я почти перестал двигаться,

костяной воздух сковал мои руки и ноги, легкие окаменели. Я остановился.

Очнулся уже в ларьке. Там было светло, тепло, и воздух, которым можно дышать. Три тетки – продавщицы, с интересом что-то обсуждали, иногда поглядывая на меня, наверное, потому что я был здесь единственным посетителем. Кажется, я пытался что-то спросить. Одна тетка выразительно посмотрела вниз, я тоже опустил глаза вниз: мои черные ботинки расползлись, кожа вздулась и отошла от подошв. Это от того, что я шел по улице, во время смерча.

– Я что, умер? – спросил я.

– Думаю, да.

Я вышел с другой стороны ларька. На улице обычный день и опять стало тепло. Я двигался легко, сначала быстро пошел, затем побежал по каким-то деревенским улочкам, где гуляли радостные люди семьями, возвращаясь с праздника или демонстрации.

Затем, я свернул в темный переулок, потянулись сараи и загоны для скота, кругом грязное месиво и навозные кучи. Я ушел оттуда, направившись за деревню, в лес. Я, как кошка, несся сквозь чащу, цепляясь за стволы, перемахивая огромные, вывернутые из земли корни деревьев, взбираясь по земляным склонам. Заметил высохшее русло мелкой речушки и пошел по нему, двигаться стало легче. Вскоре, в русле стала прибывать вода, я еле успел подпрыгнуть и уцепиться за ветку, когда прямо мне на встречу, хлынул

мутный поток. Дальше, я шел по каменистым уступам горного склона.

Наконец, я остановился. Передо мной было четыре двери. Я дошел. Нужно выбрать дверь.

На каждой двери начертан большой знак, похожий на руны: один знак отливает золотом, другой светится серебристым свечением, третий знак – просто черный, в подтеках краски, четвертый – красного цвета.

Я провел ладонью по красному знаку. Знак вспыхнул красной сиреной в моей голове, и я куда-то провалился.

……

Я падал, летел вниз с бешеной скоростью, по тоннелю, похожему на белую мягкую кишку… или трубу в аквапарке. Вот сейчас труба кончится, и я врежусь в воду. Мама!

Запахло лекарствами, как в больнице, кажется, я орал, меня кто-то поймал и держал на руках! Кошмар продолжался. Это не бассейн: я только что родился в роддоме, и лежал на руках акушерки. Я себе даже представить такого не мог… или не могла? Кто я теперь, и что за «мама» меня проявила в этот мир? Ясно одно, я – ребенок, чей-то ребенок.

Первое время, я жил в роддоме. Там я еще помнил, кто я и откуда, зачем пришел. Потом, мама взяла меня с собой «домой» – и я, стал, вдруг, все сильнее чувствовать, что мы с ней – как один человек. Я видел, делал, думал, чувствовал все то же, что и она. Родившись в этом мире, можно его по-

знать только через глаза другого человека – мамы. Я стал ею, и, при этом – я был девочкой, «дочкой».

Последнее, что помню из «до мамы» – это бокал.

Глава 2

Бокал

Я долго морщила мозг, чтоб написать все это.

Что такое дом?

Для нас дом – это когда выходишь на улицу и знаешь, чего ждать от окружающего мира. Для многих – это жилье вне города.

Я стою у большого окна и слежу за неспешным полетом снежинок, их бесконечное множество. На высоком заборе закреплена кормушка для птиц. К забору жмутся высокая прямая, как стрела лиственница, и совсем еще юная и тонкая березка. У них снежные шапки и рукава.

Многие, кто решил сейчас «выбраться на выходные» за город – забрались в такие сугробы на дорогах, что окажутся в своих домах только к ночи.

В пустом доме, кроме меня никого, тишина ватой окутала его. Я думаю, в моем доме за городом какая-то другая реальность – настоящая. А город – это искусственный мир, оторванный от природы, неестественный и придуманный.

Стою у окна. Вдруг, замечаю на крыше беседки, белую неподвижную фигуру. Кто-то стоит, и ветер не трогает его одежды. Приглядевшись, понимаю, что это просто гора сне-

га, из-за метели показавшаяся мне человеческой фигурой.

Что за…!

Снег. Снег сыпал уже вторые сутки, сплошной стеной, не удивительно, что в этом мелькании всякое мерещится. Двор бесполезно чистить, наметет. Там уже 50 см холодного пуха, а мы думали «март-это-весна», «зимний слой стаял с земли» и «солнце – грело». Но нет – зима опять вернулась. Вернулась Тишина, это она стояла на крыше, возвышаясь вечным Покоем. Она призывала мир остановиться, а он не мог, его кто-то раскручивал как юлу, как спинер.

Мерно тикали часы на стене.

Я устала и тоже хочу остановиться, но не могу остановить бег времени. Я хочу ему крикнуть, чтоб оно перестало гнать нас вперед.

Кем-то отведенное мне время, представляется как бокал, в котором я могу до умопомрачения смешивать коктейли, пока мозги не потекут в него шоколадом. Бокал имеет интересные свойства – его нельзя уничтожить. Я пробовала: он все время возвращается – целый и невредимый, как обстоятельства, которых не можешь избежать, а потому – подчиняешься им.

Иногда, я представляю, каким будет звук падения бокала на мраморные плиты тишины. Это должно звучать, как глухой удар первой большой капли дождя в дорожную пыль.

Вино времени в моем бокале – выглядит разнообразно: как озарения, ожидания, надежды, привязанность, разочаро-

вание, печаль. Рубиновые и изумрудные кристаллы льда, поблескивающие в живой глубине вина Галактики. Впрочем, Галактику, иногда, рассекает освежающе-бодрящий лимонно желтый луч фреша. Иногда, кристаллы темнеют до сапфира и наступает неизбежная череда печальных сумерек. Взбалтываешь, и опять – все искрится огнями.

За опытные годы своего существования, я поняла одну простую вещь: если бокал упадет – то не разобьется, как ни старайся. Его нельзя выпить – пьешь, пьешь, а он все равно полон. Он всегда ко мне возвращается, и я не знаю, когда это прекратится. В общем, бокал живет своей жизнью, а я вместе с ним. Я доливаю в него рассветы, с утренним щебетом птиц, в листве сада за окном. Могу туда накапать немного пота земли – росы, и вечернего тумана с лесного озера. Как приправу, могу опустить в коктейль брикетик ароматного дыма – из печной трубы, когда топится баня, или от осенних костров, когда в деревне жгут опавшую листву. Добавить немного утренних заморозков, с еще зеленой травы, и тонкий ледок с луж. Ветер, небо, запах кислых щей, годами витающий вокруг местной школы.

Мне хочется стоять у окна и слушать тишину. В моем бокале уже до краев – беспрерывных телефонных звонков, скучающих голосов, шумящих ртами, страха, глупости.

Этим голосам – я предпочту шум ветра.

Глава 3

Юля

Меня зовут Юлия. Вернее, так звала меня мама, когда хотела сделать очередной выговор. А так, я просто какая-нибудь Юлька Каблукова, соседка по площадке, или «одна девка из соседнего класса», возможно, сокурсница и пр.

В школе у нас была компания, четыре подружки: Ритка, Катька, Натали, и я. Классика: рыжая, черненькая, блондинка и страшненькая. Ритка каталась на лыжах за сборную школы. «Красивую» – Натали – все любили. Катька – всех любила. А я была умной индивидуалисткой, хорошее название для тех, кто никого не любит и сам никому не нужен.

Это были 90-е годы, тогда все особенно подвергалось сомнениям – традиции, авторитеты. Мне тогда исполнилось 13 лет и мне, наиболее сомнительным казался авторитет собственных родителей. Я, наверно, должна сказать, что как подросток, остро чувствовала ложь и несправедливость, но это только по отношению к себе любимой.

Что еще сказать о той жизни?

Даже в детстве, взрослые меня никогда сильно не любили, точнее не замечали, примерно с 3-х лет, большую часть времени я проводила одна. Это учило меня самостоятельности

и независимости.

Когда я научилась читать, весь мой мир стал складываться из образов, почерпнутых из книг. Читала я много, «запоем», книги – были моими лучшими собеседниками, ни одной лишней книги в моей жизни – не было. В те годы, набор литературы был стандартным: газета «Пионерская правда» – всегда априори должна стоять на первом месте в мыслях пионера, все родители выписывали ее своим детям, а потом учителя проверяли на политинформации в школе, что ты узнал из газеты, о жизни детей в СССР. Еще был «Вечный зов», пионеры —герои в Великой отечественной войне; Голсуорси, Конан Дойль, Гоголь, Бунин и т. д.

Таким образом, мой внутренний мир был идеальным, благородным и красивым. Поэтому, я не сразу оценила перемены вокруг, произошедшие с людьми в начале 90х. Наверное, я должна сейчас рассказывать, как бывшие мальчишки со двора, пошли «в бандиты», воровать и вымогать, и были убиты своими собратьями; или как они же, под руководством «старших товарищей», отобрали у моего отца, новенькую машину «девятку», купленную им незадолго до увольнения в запас из рядов ВМФ. Но я не буду.

Впрочем, тогда, в 90-е, мне было никого не жаль, ни всех их, ни себя. Мы в компании болтались по улицам. Молодые, свежесть лиц, приобретенная от здорового образа жизни в СССР, брызгала даже сквозь модный ужасающий макияж – фиолетовые румяна и помаду, сквозь черные брови, как

у Мефистофеля, подведенные тушью для ресниц, сквозь синие и зеленые тени на веках.

Парни гуляли с магнитофонами на плече, из которых орал рок.

Я могла бы рассказать о том, что стало с этими девушками через несколько лет, как многие из них пополнили поколение проституток – продавщиц, для новой страны. Но я не буду.

Я была умной, мой мир оставался добрым и хорошим, не смотря ни на что. В нем не было места ворам, обидчикам, бедности, в нем были сплошные герои, интеллигенты и леди.

Единственное для меня ужасающее воспоминание тех лет – фильм «Вий», с Варлей, соответствующий тексту произведения Н. В. Гоголя. И, пожалуй, концерт группы, выдающей себя за «Ласковый май». В маленьком военном городке мало развлечений для молодежи, поэтому мы радовались возможности увидеть «Ласковый май» «живьем», и плевать, что ансамбль пел под «фанеру». Весь городок собрался в Доме офицеров, но на сцене, оказались какие-то незнакомые нам люди.

Ветер перемен, действительно, ощущался, и хотелось дышать. Ведь до этого, жизнь пионера была скучна и однообразна – бесконечная школа, шестидневка по 7 уроков, кружки по вязанию, бассейн, пионерская правда. Было такое чувство, что никогда ничего не изменится, не сломать череду «школа, уроки, ужин, новый год, строевая песня «Вра-

гу не сдается наш гордый «Варяг», и первое мая». Хотелось выть.

Всем рулили родители в твоей жизни. Мы хоть и имели свое мнение, но боялись ослушаться старших, все они были заодно – учителя, родители, бабки и пр., и все скопом, незамедлительно осуждали «плохое» поведение детей. Так общество сообща воспитывало в детях морально-нравственные ценности.

Ученице нельзя было прийти на урок с не пришитым белым воротничком на школьной форме, это считалось почти чудовищной неряшливостью и преступным пренебрежением к установленным порядкам. Ты «сифа».

И вот – пришли перемены. Сначала, это было здорово, особенно, когда перемены, а тебе 13. Дома появилось кабельное ТВ, там круглые сутки крутили MTV с западными клипами – для советских детей – это было чудом, примерно таким же, как для нынешних детей – айфон. Стали доступны для просмотра американские и китайские боевики, ну там – Брюс Ли, Сильвестр по талонам….ммм. Эротика.

Все это, нагрянуло вызывающе, но не скучно. Мы слушали Цоя, а когда он погиб, девчонки собрались дома у Надьки, выключили свет в комнате, врубили песню на ГДРовской «BASF» «а тем, кто ложится спать…», одели белые чистые носки, и медленно танцевали, закрыв глаза. Ну, я, конечно, в этой комедии не участвовала.

Лично – мы не знали этого парня – Цоя, не знали, что

он окажется «знаком эпохи». Нас ужасало не то, что наши сверстники стали открыто пить и колоться, а то, что Цой – умер. Мы писали на стенах искреннее «Витя – ты жив!» Или «Цой – ковбой, человек мостовой».

Главное, что постепенно, стало можно выходить в мини юбке, больше похожей на пояс, и взрослые уже ничего не говорили тебе про стыд и пионерию, а только неодобрительно качали головой вслед.

Если бы они видели себя со стороны. Паноптикум. Те, кто всегда откладывают «про запас», не покупают, а «достают» все в магазинах, моют пакеты от молока и сушат их, жирные, над плитой или в сушке для посуды.

Откладывают старые вещи «на будущее», а потом из этого барахла – вытягивают свое будущее. Или роются на балконе, среди рухляди, до конца так и не решив, что же из этого станет их «будущим». Из рухляди – невозможно построить хорошего будущего.

Вообще, все нужно делать вовремя, а не в прошлом или в будущем.

Маленькие квартирки, маленькие дачи 6 соток, маленькие люди.

Застолья тех лет.

Все праздники отмечали одинаково: гости и хозяева – ели и пили так, как будто это в последний раз. Гости – всегда одни и те же. Много было среди гостей – «компанейских», они обычно подваливали, сипло дыша винным перегаром, когда

тебе 5, и ты играешь под столом, чтобы поинтересоваться «как дела». Но они, почему то, из раза в раз, не могли запомнить даже самого простого – твоего имени.

Были и «заводчане», те кто работали на заводах. У них так вообще – праздник каждый день. Ели на газете, нескончаемой чередой – неслись собутыльники, ссоры с женой, уход в ночь, обзвон женой моргов-больниц, примирения, выяснения «кто виноват», побои, жалость, возможно даже болезнь. И так по кругу, день сурка.

На полках, в коллекции паноптикума, присутствовали люди с психологией бедных. Яркие примеры бережливости от основоположников СССР. Они протирали мебель и все бытовые приборы раз в два дня, ведь эти вещи должны были прослужить как минимум лет 40. Тщательно протирались холодильник, стиральная машина «Сибирь» – совковое инженерное ноу хау. На «Сибири» было легче умереть, чем постирать. Помнится, мама обеими руками держала эту машину веса 150 кг, когда центрифуга отжимала белье, потому что, иначе, машина прыгала по всей квартире и могла повредить протертую чистую мебель. От грохота центрифуги – «стенка» в комнате, звенела и дребезжала стеклом.

Самой загадочной частью жизни людей СССР – было «консервирование» (читать шепотом). Что в голове у этих людей? «Вот я протираю холодильник, с треснувшим пластиком на дверце (он еще послужит!), его еще можно размораживать и размораживать! По полдня. Я его еще буду раз-

мораживать, когда мне стукнет 80…. мой конец не так близко».

Я не могу есть огурцы, боюсь консервированных банок. Есть ощущение, что в них законсервировано время, души, стремления, полет.

Скучно в мире, где «нет денег – плохо, есть деньги – еще хуже». Это как «ой, нет пойдем подожди» – компьютер зависает от таких команд.

А как же страсть? Когда ты открыто радуешься миру, даже когда его ветер обрывает мясо с костей, но острота мыслей и чувств не запотела мутной слизью.

Мы должны быть способны пропускать Мир через себя.

Мир бывает отвратительным, он уже давно перерезал себе вены, но до сих пор жив. Застыл в агонии, в этой нелепой позе эмбриона. Цой, слышишь? Мир – все еще здесь, он никуда не делся.

Я сижу под защитой стеклянного дна бассейна, и наблюдаю за агонией Мира, до меня доносятся лишь глухие удары.

Я мифический Беп Карароти, сижу тихой ночью в степи и неотрывно смотрю в звездное небо, и тоска кругом, от неба до земли, и я жду…

Глава 4

Роман

Лето 1990 г. Солнечногорск.

В зоне отдыха, на третьем этаже санатория, она небрежно развалилась в кресле, раздраженно сверкая глазами. В наушниках играл «Электроклуб».

«Юля пошли туда, Юля пошли сюда, Юля не ленись, Юля подъем»… И это – в каникулы, в семь утра по московскому времени.

Отец ни оставлял Юльку ни на минуту. «Взялся» за нее, как он это называл. То есть, в свой очередной не долгий отпуск, взялся за ее воспитание, как и обещал матери. Дело в том, что дочь была домашней примерной девочкой, но отец считал, что ее надо развивать, прививать навыки активного отдыха, закалять хилое здоровье, ведь все основное время они живут на севере, и это «может плохо отразиться на ребенке». Он купил Юле футбольный мяч, когда ей было 7 лет. Вообще, он хотел, чтоб у него был сын, поэтому, когда дочери исполнилось 6 – он купил ей футбольный мяч. Юля считала, что не виновата, что им приходится жить на севере, север вообще ей нравился, кто видел тундру – сразу влюбляется и хочет туда вернуться.

В конце июня, они с отцом приехали по путевке в военный санаторий, под Москву. Казалось бы, вот он – отдых! – начало заслуженных каникул, экзамены сданы. Но с отцом, военным офицером, привыкшим командовать подчиненными матросами, такое не прокатывало. Отец всегда был в напряжении, в тонусе, в ожидании вызова на службу, на вахту. Он установил свой режим каникул. Теперь, вместо того, чтобы нежиться в постели, Юля подрывалась по команде в 7 утра, хватала полотенце, и по примеру отца, мчалась к бассейну, как будто, бассейн мог высохнуть от московской июньской «жары», если промедлить хоть секунду. «Жара» – это утром максимум +15. Вот матери – всегда было все равно, чем Юля занимается, главное – вечером дома, поела, уроки сделала, читает, молчит, с разговорами не лезет, на кухню не заходит, когда взрослые курят.

Юля подозревала, что отец просто волнуется за нее, отчасти винит себя, что «ребенку приходится жить в полярных северных условиях». А ребенок – это в данный момент, уже девушка-подросток 13 лет, и никого, даже самых близких, даже отца – не интересует, о чем она думает, чего хочет. Она как удобная вещь, которую можно перекладывать с места на место, украшать, протирать от пыли, задвигать в угол.

Вообще, Юле было скучно. Папа пытался разнообразить полезные вечера чем-нибудь приятным – они ходили в местный кинотеатр, смотреть «картину». Было удивительно, откуда там берут такие фильмы, где имя мальчика «Венченци-

но».

Многие ребята из городка мечтали бы поехать на такой отдых, в санаторий – где теннис, бассейн, прогулки по аллеям, буфет, увидеть Москву, Красную площадь и ВДНХ. Но только не Юля – к спорту отец привил стойкую ненависть, Ильича в мавзолее она видела еще в детстве.

И тем не менее, сейчас она сидела в этой дыре, на третьем этаже и слушала заезженные песни. Мой друг – только плеер. Хотелось общения, внимания, шуток – в какой – нибудь компании таких же подростков. А то у папы, конечно, было не плохое чувство юмора, но все же главными словами его жизни оставались «полезно» и «надо».

В начале сезона, в санатории, не то что подростков, а вообще мало отдыхающих.

Юля раздраженно подошла к большому окну, внизу располагались корт и злополучный бассейн. Рядом, тоже у окна, стояла ветвистая пальма в кадке, такая же одинокая среди белого мрамора стен, как девушка у окна.

От невеселых мыслей Юлю отвлекли звуки, странно контрастировавшие с чинной тишиной Подмосковья. Возле лестницы стояли два пацана, лет 14-ти. Они громко разговаривали. Поняли, что девочка их заметила. Один, худой и белобрысый, косясь исподтишка на Юлю, демонстративно встал на перила и смеясь, балансировал.

Думает удивить, что ли, идиот. Она равнодушно отвернулась и пошла к себе в номер. Белобрысый парень проводил ее

взглядом, выражение его серых глаз стало холодным и жестким. Затем, он глянул вниз. Внизу была только белая пустота, далеко виднеющегося первого этажа.

Осень, 1990 год. Кольский п-ов.

Сильно обведенный черным, глаз, внимательно следил в дверной глазок, как в подъезде по лестнице, вразвалку спускается парень, лет 14-ти. Гордо вскинув голову, он с вызовом смотрел на закрытую дверь, за которой, только что, поспешно спрятался зеленый глаз.

«Да! Как противно и глупо – „спрятался“. Ну почему было не остановиться, не встретиться с ним глазами, гордо и с вызовом поглядеть на него? Или, хотя бы просто кивнуть, и спокойно отвернувшись, открывать входную дверь!» – неприятно корил себя глаз.

«Ну что, он опять здесь „случайно“? Почему этот парень всегда оказывается там, где я. Уже добрался до моего подъезда. Да ну, брось, может он к другу сюда заходил, городок – то маленький».

……

Из летнего отпуска, в свой городок, Юля вернулась с родителями перед самой школой. Ей впервые хотелось в школу, все стало как-то по новому, интересней. Вроде, все всех знают, но за лето повзрослели, неуловимо изменились, стали по особому нравиться друг другу. Ходили на дискотеки, кто-

то уже целовался.

Юля с интересом ждала школьных будней, ей не терпелось увидеть Леху из параллельного класса, он ей нравился весь прошлый год, она ему тоже. Теперь, она, была уверена, что между ними что-то будет. Дурнушкой или забитой она никогда не была, мальчикам нравилась.

А потом, весь прошлый год, они с подружками травили Ксюшку, моль очкастую. Интересно, она изменилась?

Каникулы этим летом были неудачными. Сначала этот скучный санаторий, потом родители уехали на море, а Юлю отослали в деревню к бабушке. Юля очень любила свою бабушку, но в деревне оказалось тоже неожиданно скучно, хотя раньше, Юля рвалась быстрей к бабушке, чтобы и с удовольствием носиться по крышам с братом и компанией. Просто Юля выросла. В итоге, она стала посещать все индийские фильмы, которые крутили в местном ДК. В кино, хотя бы, можно надеть новые импортные белые босоножки на каблуках, и поржать над деревенскими тетками, которые с полотенцами на головах, и с красными распаренными лицами, лили слезы над судьбами страдающих индийцев. В детстве, Юлька думала, что тетки специально ходят в ДК поплакать, и для этого берут специальные полотенца, чтоб вытираться… ну и на тюрбаны индийцев похоже. Но это оказалось не так: просто эти тетки – вечером шли с бани, а домой не успевали зайти, поэтому, в чем были – в том и приходили в кино.

Наступила очередная пятница, время индийского кино в ДК. Юля одела белые босоножки, и проигнорировав бабкину просьбу «немедленно сесть перебирать ягоду» (дед опять привез опять 5 тонн земляники из леса), пошла в кино, четко впечатывая в пыль, каблуки новых босоножек, под осуждающее молчание перебирающих ягоду (тетки, бабули, бабы Любы и соседки).

«Ишь, вырядилась. Стыдно!»

Ну да. Юля не понимала, что плохого в том, что на ее длинных красивых загорелых ногах красуются белые босоножки. В деревне, ей в спину шептали «городская», как ругательство. Они считали, что стыдно нравиться себе и иметь босоножки.

Юля думала, что стыдно ходить по улице жирными пятидесятилетними тетками, когда им всего 35, с полотенцами на головах и красными «мордами» (так они сами называли свои лица).

Кстати, после отказа «перебирать ягоду» – бабушка продлила осуждающее молчание до конца лета. Юля не понимала, за что этот ягодный бойкот, и почему ей надо извиняться за свой «постыдный» выбор, в пользу кино и босоножек, а не ягод с бабками. Юля все так же любила бабушку, но злилась.

Даже брат уже не заходил в гости – был занят более важными делами – целыми днями ковырялся в мотоцикле или пропадал с отцом на рыбалке.

Приехав домой в городок, Юля поняла, что соскучилась. Она, в одиночестве, подолгу бродила по дождливым осенним улицам. На мокром асфальте, желтыми дорожками отражался свет фонарей, в наушниках играл «Мираж». Моросило круглыми сутками, но это даже подходило под ее настроение – летняя жара надоела. Небо низко повисло бесконечным белесым покрывалом над пятиэтажками. Воздух пропах свежим морским ветром, мокрыми холодными камнями и прелым мхом. Милые сердцу сопки пожелтели, и только вокруг школы, алые ягоды рябин вопили, что пора начинать. Почему-то, школа всегда ассоциируется с рябиной, сначала ягоды горькие и противные, а после морозамягкие и кисло-сладкие.

В тундре снег выпадает рано, но до настоящих холодов, природа устраивает пир: люди собирают идеальные, как на картинке, белые грибы, и сушат их наволочками; набирают специальными совками целые бочки черники, голубики и брусники. Этим богатством здесь никого не удивишь. Зато, когда в магазин привозили обычную сливу – туда сбегался весь народ и подолгу выстаивал в очереди, чтоб взять хоть килограмм, слива – раньше была редкостью на севере, как и остальные фрукты.

…Пока Юля гуляла, ей удалось мельком переглянуться с, куда-то спешившим, Лехой. Они приветливо улыбнулись друг другу.

Школа.

Теперь, каждое утро, Юлька очень тщательно собиралась в школу. Подводила жирные черные стрелки вокруг глаз, «как у Цоя», светло русые волосы начесывались по последнему писку моды, и пышной налаченой гривой спадали на плечи. «Львиная голова».

Одевалась джинсовая короткая юбка, собственноручно перешитая Юлей из маминых джинсов. Джинса была качественная, настоящая, из валютного магазина. В СССР, в тундре – джинсу можно было достать только там.

К юбке – обтягивающий свитер. По моде, рукава свитера, полагалось придерживать, натягивая их, до кончиков пальцев – как будто ты замерзла, и равнодушно ёжиться. Сумка «через плечо», доставшаяся родителям «по блату», и тенниски, обязательно, чтоб шнурки были фосфорного цвета – один салатовый, другой розовый. Между прочим, купленные в Москве, на ВДНХ.

Мама закрывала глаза на то, в чем ходит Юля, потому что единственное, что позволяла дочери – это быть красивой, даже в условиях ТАКОЙ моды.

В сентябре, в восьмые классы, пришли несколько новых ребят. В закрытых военных городках, все время кто-то уезжал или приезжал. За десять лет обучения – дети могли сменить несколько школ, потому что их отцов переводили по службе с одной военной базы на другую, а кто-то уходил

на пенсию.

У большинства учащихся присутствовал интеллект «выше среднего», так как, это были дети – своих родителей, у которых по два высших образования и очень ответственная работа. Но учителя ревностно воспользовались веяниями перестройки, набиравшей оборот в стране, и расформировали классы на «математический», «исторический», «литературный», и отстающий – класс «двоечников». Между нами, самым отстоем – считался очкастый «литературный» класс, а самыми крутыми – конечно, «двоечники».

В «двоечники», определили несколько опытных прожженных девиц, уже встречавшихся с взрослыми мужчинами, эти девицы уже и сами выглядели как тетки. Еще там было несколько парней – пьющих, курящих и плевавших на пионерскую организацию, некоторые из них встречались с девицами из своего класса. В отстающий класс – попадали дети из неблагополучных семей, либо с отклонениями в здоровье. «Психи», короче. Кстати, эти девки и пацаны, у нас считались самыми авторитетными и привлекательными, отчаянными, а не распущенными, не пресной тухлятиной, как ботаны из «литературного».

«Психи» выглядели наиболее жизнеспособными, хотя многие из них – второгодники, зато все высокие, спортивные и деловые.

В этот класс и пришел новенький – Роман. «Отвязный», он сразу завоевал уважение парней и внимание девушек. Он

был типичным «плохишом». «Симпотный Ромочка» – проконстатировала Катя. Ромочка – блондин со светло серыми глазами, упрямым ртом, твердым подбородком, и с кучей амбициями.

Пришлось и Юле его заметить, потому что Роман решил, что она ему нравится. Он ей – не нравился, блондины не в ее вкусе. Он же – ни на секунду не сомневался в том, что Юля будет с ним, но не знал, как к ней подойти. В школе она его, явно, игнорировала, а на дискотеки не ходила. В его кампании сказали, что он ей «не пара», что девочка из хорошей семьи, не курит, не пьет, на дискотеки не ходит, и с хулиганами не дружит – родители запрещают, следят в оба за дочкой. Рома огорчился – «даже нет общих тем – ну там сигаретку предложить, или, наоборот – стрельнуть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.